

УДК 94 (477.75) “-03/-01”:323.3

К вопросу о статусе варварского населения ближней хоры Херсонеса Таврического в IV–II вв. до н.э.

Вербий Р. Н.

Вербий Р. Н. До питання про статус варварського населення ближньої хоры Херсонесу Таврійського у IV–II ст. до н.е. У статті, ґрунтуючись на археологічних матеріалах та аналогіях з спорідненими з Херсонесом полісами, здійснена спроба визначення соціального статусу населення периферії ближньої хоры Херсонесу Таврійського у IV–II ст. до н.е. Автор дійшов висновку, що найбільш вірогідною формою відносин між херсонеситами та оточуючими їх варварами була регулярна виплата данини (форосу) полісу.

Ключові слова: Херсонес, хора, поліс, форос, варвари.

Вербий Р. Н. К вопросу о статусе варварского населения ближней хоры Херсонеса Таврического в IV–II вв. до н.э. В статье на основе археологических материалов и аналогий с родственными Херсонесу полисами предпринята попытка определения социального статуса населения периферии ближней хоры Херсонеса Таврического в IV–II вв. до н.э. Автор приходит к заключению, что наиболее вероятной формой взаимоотношений между херсонеситами и окружавшими их варварами была регулярная выплата последними дани (фороса).

Ключевые слова: Херсонес, хора, полис, форос, варвары.

Verbiy R. To the Question of the Social Status of the Barbarian Population on the Close Chora of the Chersonese Taurian of the 4th–2nd centuries BC. There is an attempt of definition the social status of the population on the periphery of the close chora of the Chersonese of the 4th–2nd centuries BC in this article. It is based on the archaeological materials and analogies with the polises related with Chersonese. The author came to conclusion, that the most probable form of relations between chersonesians and barbans was regular tribute (phoros), paid the polis during the most past the period under consideration.

Keywords: Chersonese, chora, polis, phoros, barbarians.

Проблема взаимоотношений между херсонеситами и местным варварским населением активно исследуется на протяжении нескольких последних десятилетий. Несмотря на довольно ограниченный объем источниковой базы, социальная структура общества в Херсонесском государстве все чаще становится предметом изучения для специалистов, среди которых следует назвать В. М. Зубаря, С. Ю. Сапрыкина, В. А. Кравченко, Ю. Г. Виноградова, А. Н. Щеглова. Вынуждены признать, что фактически на сегодняшний © Вербий Р. Н.

день мы не располагаем прямыми письменными свидетельствами о статусе варварского населения хоры Херсонеса. Кроме того, исследователи до сих пор не смогли установить факт проживания тавров на ближней хоре Херсонеса, их социальный и правовой статус. Поэтому для определения статуса тавров и других племен на ближней хоре Херсонеса нам приходится обращаться к материалам родственного Херсонесу полиса.

Археологические источники по данному вопросу представлены тридцатью поселениями по периметру хоры. На зависимый статус жителей этих поселений, по мнению О. Я. Савелей, указывает в большинстве случаев невыгодное с географической точки зрения положение этих поселений, следовательно, они были размещены там вынужденно [10, с. 202]. Исследователи Херсонеса долгое время опирались на эту информацию при построении общей картины экономической системы этого полиса. И лишь сравнительно недавно В. М. Зубарь и В. А. Кравченко, внимательно изучив материалы, предоставленные О. Я. Савелей, пришли к выводу, что это могли быть следы временных стоянок тавров. Однозначно можно говорить только о трёх поселениях на периферии ближней хоры Херсонеса, которые можно уверенно отнести к поселениям кизил-кобинской культуры, связываемой с таврами. Это позволило В. М. Зубарю и В. А. Кравченко прийти к заключению, что в период широкомасштабного освоения полуострова поселения кизил-кобинской культуры были уничтожены херсонеситами. [3, с. 70-76]. Таким образом, никаких археологических подтверждений эксплуатации тавров херсонеситами не наблюдается.

Собственно, в качестве нижних хронологических рамок мы приняли IV в. до н.э. – время массового освоения ближней хоры Херсонесом, и II в. – в качестве верхних хронологических рамок, когда под давлением новой волны кочевников сельскохозяйственная округа Херсонеса приходит в запустение.

Кроме того, следует учитывать, что Херсонес был дорийским полисом, поэтому взаимоотношения с местным населением здесь должны были строиться по такому же сценарию, что и в метрополии – Гераклея Понтийской, равно как и других полисах, основанных выходцами из Мегар. Исследование колонизационной практики этого полиса обнаружило несколько специфических черт, безусловно, характерных для Херсонеса.

Важнейшей для нашего исследования особенностью мегарских колоний было их обращение с местными жителями. По сообщению Афиная, "византийцы так же властвовали (*δεξίποζον*) над вифинцами, как лакедемоняне над илотами" (Athenaeus, VI, 101). Византийцы с первых дней проживания на Боспоре находились в экстремальных условиях, поэтому сразу же стали строить мощные оборонительные стены вокруг города [8, с. 187].

Силовой вариант заселения мегарскими колонистами Л. А. Пальцева предполагает в отношении Месембрии. Территория в северной части нынешнего Бургасского залива была проигнорирована милетянами, не желавшими сражаться за нее с местными фракийцами. Но, несмотря на все трудности борьбы с местными варварами, Месембрия была основана выходцами из Мегар и Калхедона в конце VII в. до н.э. [8, с. 207].

По мнению М. А. Колесникова, у мегарских колонистов была сформирована определенная субэтническая модель поведения еще во времена завоевания дорийцами самой Мегары. Захватив ее, дорийские племена навязали местным жителям свои порядки силой. Впоследствии этот механизм был зафиксирован в исторической памяти их потомков, и модель взаимоотношений с местными жителями оставалась нормой на протяжении поколений [4, с. 44-45].

Так или иначе, мегарская колонизационная модель предполагала заселение не малонаселенных, а, наоборот, хорошо освоенных варварами регионов, куда не решались отправиться представители более «миролюбивых» ветвей колонизационного движения. Фактически эта модель базировалась не на постепенном освоении варварских территорий, с преимущественно мирными контактами с туземцами, а на стремительном вторжении в варварские земли, вытеснении местных жителей и, в дальнейшем – их эксплуатации в разных формах.

Для решения вопроса о взаимоотношениях тавров и херсонеситов необходимо изучить вопрос об эксплуатации местного населения в метрополии Херсонеса, поскольку аналогии с Гераклеей Понтийской в данном случае нам представляются наиболее обоснованными. Как известно из трудов Страбона, Афиней, Платона и Аристотеля, местные племена мариандинов были поработены и подчинены гераклеотам на правах, близких статусу илотов.

При характеристике социального положения мариандинов античные писатели прибегали к более понятным для читателей аналогиям. Страбон, полемизируя по данному вопросу с Посидонием, писал о сходстве их положения с фессалийскими пенестами и критскими мноитами (Страбон, XII, 3, 4.). Афиней приводит высказывание Каллистрата по поводу мариандинов, где, помимо пенестов, в качестве сравнения были упомянуты другая категория зависимых критян – клароты, и, в качестве классического примера, спартанские илоты (Athenaeus, VI, 263). Такие же аналогии можно найти и у Платона (Платон, VI, 776). Однако наиболее важное для нас высказывание по этому поводу мы находим у Поллукса: «Между свободными и рабами находятся илоты лакедемонян, пенесты фессалийцев, клароты и мноиты критян, дорофоры мариандинов, гимнеты аргивян, коринефоры сикионян» [8, с. 210-211]. Не преувеличивая значения данного отрывка,

стоит отметить, что он определяет место мариандинов, а возможно, и тавров, в присущей античному миру системе эксплуатации.

Заслуживает внимания приведенное Афинеем высказывание Каллистрата, из которого следует: (Athenaeus, VI, 263e). Перевод этого фрагмента примерно следующий: «...что мариандинов называют приносящими дары (дарителями, дароносцами), избавляя от горечи прозвища «οἰκετῶν»...». «...ὅτι τοὺς Μαριανδυνοὺς ὠνόμαζον μὲν δωροφόρους ἀφαίρουντες τὸ πικρὸν τῆς [ἀπὸ] τῶν οἰκετῶν προσηγορίας...»

Как уже было сказано, по поводу значения термина «οἰκέτης» среди исследователей существуют разногласия по. Я. А. Ленцман, проведя специальное исследование, определил пять основных терминов, употреблявшихся древними греками в отношении рабов. Ими оказались *δμῶς*, *οἰκέτης*, *οἰκογενής*, *δοῦλος* и *ἀνδράποδον*. Исследователь пришёл к выводу, что, если термин *δοῦλος* обозначал все категории лично зависимого населения, то термин *οἰκέτης* – обозначал домашнего раба [6, с. 52-56]. Однако с этим утверждением категорически не согласились К. М. Колобова и А. А. Нейхардт. К. М. Колобова пришла к выводу, что «ойкеты» - это рабы, занятые в земледелии, сходные по своему положению с илотами и пенестами [5, с. 187-203]. А. А. Нейхардт обратила внимание на свидетельства Тимея, который сообщал о массовой покупке тысячи ойкетов и порабощении их военным путём [7, с. 174-176]. У Афиней есть любопытные сведения о критских рабах, содержание которых сводятся к тому, что на Крите существовало два вида ойкетов: одни (хризонеты) – городские, другие (афамиоты) – сельские, но при этом Афиней добавил, что сельские рабы были местными жителями, порабощёнными военным путём. А. А. Нейхардт и К. М. Колобова связывали термин «ойкет» с понятием *οἶκος* – домашнее хозяйство, который как бы подменяет обычный в таких случаях термин *δοῦλος* – раб. Хотя Америк Македонский писал, что ойкеты, связанные с сельскохозяйственными работами, назывались гергитами [7, с. 174-176].

Важно отметить, что древнегреческие авторы часто сами путались в наименованиях одних и тех же категорий населения. Так, Гесихий, рассказывая об афамиотах, о которых писал Афиней, говорит о них как о разновидности не ойкетов, а *δοῦλοι* – рабов. Ойкеты же выступают у него как разновидность афамиотов, наряду с агройками и перизками(!) [5, с. 197]. Павсаний писал о полупоэтичной правительнице Аргоса Телесилле, которая, когда всё мужское население города было истреблено спартанцами, мобилизовала для защиты города ойкетов (Павсаний, IV, 8). Аристотель, рассказывая об этом же эпизоде, употребляет термин «перизки» (Aristotel, VII, 5, 9). Расхождения подобного рода наблюдаются и в отношении мариандинов. Говоря о

них, Аристотель употребляет термин «перизки», а Платон – δοῦλοι (Платон, VI, 776).

Термин «ойкеты» упоминается и в распоряжении Александра Македонского, найденном в Приене. В нём говорится о том, что если свободный человек (ἐλεύθερος) будет мыть свой скот, стирать одежду, вещи или мыться сам в указанном источнике, то он выплачивает штраф в 50 драхм, если же οἰκέτης – его накажут пятьюдесятью ударами, заковав в колодки. И это – только при условии, что он действовал по наущению господина! Если же ойкет совершит проступок по своей воле, то он получит сто ударов, его привяжут к дереву на десять дней, а, отпуская, добавят еще пятьдесят ударов [1, № 483]. Как видим, обращение с ойкетами мало чем отличается от обращения с рабами.

У Эсхина в речи против Тимарха есть упоминание об «ойкете, принадлежащем полису», которого пытаются незаконно сделать рабом (Aeschin, 54; 62). Также у Эсхина упоминаются десять ойкетов, девять из которых работали сапожниками в Афинах и выплачивали знатному афинянину два обола в день (Aeschin, 97). Нужно отметить, что Эхин использовал термины δοῦλοι и οἰκέτης по отношению к одной и той же социальной категории (Aeschin, 17). Хрисипп, дошедший до нас в изложении Афиней, характеризует значение «ойкет» следующим образом: «дул отличается от ойкета, так как вольноотпущенники есть дулы, а ойкеты не отделены от имущества, ведь ойкет – это дул, входящий в состав имущества». Наконец, в трудах Афиней можно найти отрывок, в котором к ойкетам относят и свободных людей. Он пишет: «общеизвестно, что ойкетом является человек, пребывающий дома, даже если он является свободным» (Athenaeus, VI, 78).

Свидетельства Америк и Афиней, согласно которым ойкеты подразделялись на городских и сельских, означают, что, скорее всего, ойкетов нельзя считать как профессиональную категорию. Сказать же конкретно, что это была за категория населения, вряд ли возможно на основании всего материала. Судя по всему, «ойкеты» – производное понятие от слов «дом», «хозяйство», которое могло означать как домашнюю прислугу, так и зависимых людей, живущих в собственных домах и имеющих свои орудия труда. Иногда ойкетами называются целые племена, подвластные греческим колонистам. Реже ойкетами называли рабов в классическом понимании этой формы зависимости или же рабов, занятых исключительно в сельском хозяйстве.

Для того, чтобы продвинуться в исследовании данного термина на гераклеюмском материале, необходимо ответить на вопрос: на какой основе было осуществлено подчинение мариандинов гераклеютами? Это весьма сложный вопрос, поскольку, помимо, казалось бы, очевидного силового варианта освоения хоры уже в античное время рассматривался вариант договора между колонистами и мариандинами, о котором писал Посидоний. Из его сочинений мы узнаём, что местные

племена, согласно договору, покорялись и даже отдавали себя в рабство завоевателям при условии, что жизни самих варваров и право проживания на своей родине останутся для победителей неприкосновенными. Однако это можно справедливо расценивать как оправдание системы эксплуатации, к тому же Посидоний писал о добровольном услужении варваров «более разумным» (Athenaeus, VI, 263e). По мнению А. А. Нейхардт, договор мог быть заключён со знатью мариандинов [7, с. 145].

С. Ю. Сапрыкин в целом соглашается с мнением А. А. Нейхардт, с той оговоркой, что договор колонистов с варварской знатью отражал не классовую солидарность колонистов рабовладельцев, а необходимость совместной борьбы поселенцев и мариандинов с другими племенами. Среди новейших исследователей этой проблематики следует выделить Л. Г. Печатнову, которая признаёт историчность подобных договоров, однако соглашается с мнением тех специалистов, которые предполагали факт навязывания договора покоренным греками племенам [9, с. 217]. Что касается термина *δωροθήροσς*, то, по-видимому, он носил в Гераклее определённую идеологическую окраску: вместо концепции подчинения выдвигалась концепция общежития греков и варваров, и понятие «приносящий дары» должно было помочь мариандинам осознать важность своего участия в аграрном производстве Гераклеи Понтийской. По мнению Э. Д. Фролова, наименование «дорофоры» заведомо подчёркивало отличие мариандинов от рабов [13, с. 26].

Так или иначе, становится очевидным, что мариандины занимали в аграрной структуре Гераклеи Понтийской важное место. Однако были ли они илотами, рабами или просто племенами, выплачивавшими определённую дань гераклеотам? И. С. Свенцицкая, обратила внимание на общегреческую практику, согласно которой колонисты принуждали местные племена выплачивать дань, не использовали труд туземцев непосредственно и не формировали отношения личной зависимости местных племён от своей общины [12, с. 84]. Её поддержал С. Ю. Сапрыкин, который привел свидетельство Аристотеля в «Политике», в котором сказано о том, что матросы совсем не обязательно должны обладать гражданскими правами, и приведен пример Гераклеи, где во флоте служило большое число периеков и «*τῶν τῆν χωρῶν γεωργούντων*» (Aristotel, VII, 5, 7). Как видим, речь идет о земледельцах, работавших на хоре полиса. Это обстоятельство позволило С. Ю. Сапрыкину разделить зависимое население в гераклейском полисе на две категории:

Уже упоминавшиеся *δωροφόροι*, то есть жители деревень по периметру хоры, платившие гераклеотам форос, который те называли «даром»;

Γεωργοί, соответствовавшие по своему статусу перизкам – свободные земледельцы, выделившиеся из общины, чьи наделы попали под контроль олигархов, вследствие чего многие из них вынуждены были оставить привычный труд и идти в матросы.

Сравнение мариандинов с илотами в античной исторической традиции С. Ю. Сапрыкин считает ошибкой древних авторов, в частности, Поллукса, который усмотрел аналогию мариандинов илотам в коллективном характере их завоевания [11, с. 17-18].

В любом случае, между спартанскими илотами и гераклейскими мариандинами нельзя проводить прямые аналогии, поскольку в таком случае можно прийти к необоснованному отрицанию специфики спартанского полиса. К тому же, как отмечает А. А. Нейхардт [7, с. 143], спартанские илоты не были чем-то единым и представляли собой совокупность различных категорий зависимого населения, отличных друг от друга по своему социальному положению, правам и т.д.

Очевидно, что систему эксплуатации местного населения гераклеоты могли перенести в Херсонес хотя бы частично. И хотя для Мегар – метрополии Гераклеи – существование системы эксплуатации туземного населения колонистами не доказано, наличие эксплуатации тавров в Херсонесе предполагают Л. А. Пальцева, Ю. Г. Виноградов и А. Н. Щеглов [8, с. 202; 5, с. 369-370]. Так, А. Н. Щеглов пришёл к выводу, что в IV в. до н.э. на Гераклейском полуострове имело место последовательное вытеснение тавров с насиженных территорий херсонеситами и последующее их подчинение с использованием опыта подчинения мариандинов [14, с. 204-218]. Между тем, С. Ю. Сапрыкин считает жителей таврских поселений по своей социальной принадлежности перизками, то есть лишёнными Херсонесским полисом земли варварами, нанимавшимися на работу к херсонеситам [11, с. 18].

Основываясь на вышеизложенном материале, мы приходим к заключению, что поиск илотии на хоре Херсонеса следует считать неверным направлением в изучении социально-экономической структуры этого полиса. Между тем, представляется возможным оставить в силе другой вариант подчинения тавров херсонеситами, который мог быть заимствован у гераклеотов. Имеется в виду выплата форо́са таврскими племенами Херсонесу вследствие либо военного принуждения, либо же «договора о коллективной безопасности» в условиях постоянной скифской угрозы.

Примечания

1. *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges Inscriptionum Graecarum* / Hrsg. W. Dittenberger. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1.
2. *Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального херсонесского государства* / Ю. Г. Виноградов, А. Н. Щеглов // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. – М., 1990.
3. *Зубарь В. М., Кравченко В. А. Об одном аспекте греко-таврских взаимоотношений в окрестностях Херсонеса Таврического в середине IV в. до н.э.* / В. М. Зубарь, В. А. Кравченко // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – 2003. – Вып. 13.
4. *Колесников М. А. Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма)* / М. А. Колесников. – К., 2003.
5. *Колобова К. М. Термин οἰκέτης у Фукидида* / К. М. Колобова // *Проблемы социально-экономической истории Древнего Мира*. – М.; Л., 1963.
6. *Ленцман Я. А. Термины, обозначающие рабов в древнегреческом языке* / Я. А. Ленцман // *ВДИ*. – 1951. – № 2.
7. *Нейхардт А. А. Рабство в греческих городах южного побережья Понта* / А. А. Нейхардт // *Рабство на периферии античного мира*. – Л., 1968.
8. *Пальцева Л. А. Из истории Архаической Греции: Мегары и мегарские колонии* / Л. А. Пальцева. – СПб., 1999.
9. *Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики)* / Л. Г. Печатнова. – СПб., 2001.
10. *Савеля О. Я. Разведки в окрестностях Севастополя* // *Археологические открытия за 1967 г.* / О. Я. Савеля. – М., 1968.
11. *Сапрыкин С. Ю. Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи: Гераклея и мариандины* / С. Ю. Сапрыкин // *Демографическая ситуация в Северном Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. – Тбилиси, 1981.
12. *Свенцицкая И. С. Положение зависимого населения в Малой Азии V–IV вв. до н.э.* / И. С. Свенцицкая // *ВДИ*. – 1967. – № 4.
13. *Фролов Э. Д. Гераклеийские мариандины* / Э. Д. Фролов // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. – Тбилиси, 1981.
14. *Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике* / А. Н. Щеглов // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. – Тбилиси, 1981.